

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

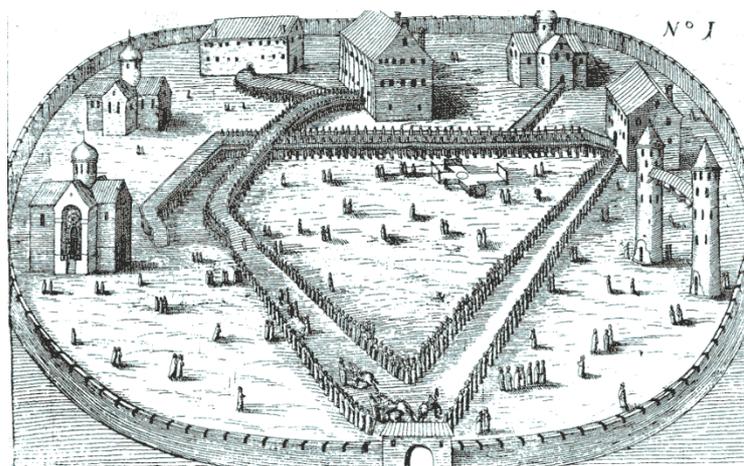
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение

средняя общеобразовательная школа №14

им. А.А.Перфильева

Слободская летопись

Записки иностранного посла

Ученицы 8В класса
Румянцевой Виктории
Учитель Лебедева Л.Н.

Александров

2013

В 1565 году англичане объявили, что имеют от английского короля письмо к царю и желают завести с русскими торговлю. На переговоры Англия отправила Ричарда Ченслера. Каждый день, проведенный в России, был наполнен событиями, поэтому он делал заметки, записывал свои впечатления. Приехав в Лондон, он читал свои записки о Руси... В его сердце навсегда осталось это воспоминание...

«На холме, над рекой серой, в зелени могучих лиственниц и лип белеет Александровский кремль. Меня охватывало волнение. Я видел, как беспрестанно скакали царские гонцы; толпы людей всех сословий шли пешком на богомолье; отряды опричников спешили выполнить приказ царя; сокольники отправлялись из Слободы в разные деревни за живыми голубями; купцы ехали с товарами, сидя на возах или провожая верхом длинные обозы. Проходили толпы скоморохов, с гудками, волынками и балалайками. Они были одеты пестро, вели с собою ручных медведей, пели песни и просили денег у богатых проезжих.

Въехав в Слободу, я увидел, что дворец государев отделен от прочих зданий глубоким рвом и валом. Трудно описать великолепие и разнообразие этой обители. Ни одно окно не походило на другое, ни один столб не равнялся с другим узорами или краской. Множество глав венчали здание. Они теснились одна возле другой, громоздились одна на другую, и сквозили, и пузырились. Золото, серебро, цветные изразцы, как блестящая чешуя, покрывали дворец сверху донизу. Недалеко от дворца стоял печатный двор с принадлежащею ему словолитней, с жилищем наборщиков и с особым помещением для иностранных мастеров, выписанных Иоанном из Англии и Германии. Далее тянулись бесконечные дворцовые службы, в которых жили ключники, повара, хлебники, конюхи, псари, сокольники и всякие дворовые люди. Немалым богатством сияли слободские церкви. Славный храм богородицы покрыт был снаружи яркою живописью; на каждом кирпиче блестел крест, и церковь казалась одетою в золотую сетку.

Встретили меня несколько слуг, взяли мои вещи и повели ужинать. В огромной двусветной палате, между узорчатыми расписными столбами, стояли длинные столы в три ряда. Для царя, царевича и ближайших любимцев стояли особые столы в конце палаты. Гостям были приготовлены длинные скамьи, покрытые парчой и бархатом; государю - высокие резные кресла, убранные жемчужными и алмазными кистями. Два льва заменяли ножки кресел, а спинку образовал двуглавый орел с поднятыми крыльями, золоченый и раскрашенный. Тут были и тазы литые, которые четыре человека с трудом подняли бы за узорчатые ручки, и тяжелые ковши, и кубки, усыпанные жемчугом, и блюда разных величин с чеканными узорами. А между блюдами и ковшами стояли золотые кубки странного вида, представлявшие медведей, львов, петухов, павлинов, журавлей, единорогов и строфокамилов. И все эти тяжелые блюда, суды, ковши, чары, звери и птицы громоздились кверху клинообразным зданием, конец которого упирался почти в самый потолок. Опричники уселись, но не начинали обеда, ожидая государя. Вскоре стольники, попарно вошли в палату и стали у царских кресел; за стольниками шествовали дворецкий и кравчий. Наконец, загремели трубы, зазвенели дворцовые колокола, и медленным шагом вошел сам царь Иван Васильевич. Он был высок, строен и широкоплеч. Длинная парчовая одежда его, испещренная узорами, была окаймлена вдоль разреза и вокруг подола жемчугом и дорогими камнями. Драгоценное перстяное ожерелье украшалось финифтевыми изображениями богоматери, апостолов и пророков. Высокие каблуки красных сафьяновых сапогов были окованы серебряными скобами. Множество слуг, в бархатных кафтанах фиалкового цвета, с золотым шитьем, стали перед государем, поклонились ему в пояс и по два в ряд отправились за кушаньем. Вскоре они возвратились, неся сотни две жареных лебедей на золотых блюдах. Гусли звучали, колокола гудели, царедворцы громко беседовали и смеялись. Разговоры становились громче, хохот раздавался чаще, головы кружились. Более четырех часов продолжалось веселье. В то же время явились на столах львы, орлы и всякие

птицы, литые из сахара. Иные допивали кубки ромanei, более из приличия, чем от жажды, другие дремали, облокотясь на стол; многие лежали под лавками, все без исключения распоясались и расстегнули кафтаны. Нрав каждого обрисовался яснее. Вскоре обед подошел к концу. Меня встретили слуги и проводили в опочивальню.

Почти все убранство опочивальни заключалось в постели и в разных других предметах постельного обихода. В ней хранилось необходимое белье, зеркала, гребни и гребенки, душистое мыло и опахало. Фонари-подвесной, фонарь-люстра и фонарь на лавке. Для хранения вещей стояли сундук, ящик и ларец. Я был очень уставшим и поэтому сразу лёг спать. На следующее утро меня разбудили и повели завтракать. На этот раз меня посадили в просторную светлую комнату с опричниками. Слуги вошли с двадцатью жареными павлинами, распущенные хвосты которых качались над каждым блюдом. За павлинами следовали кулебяки, курники, пироги с мясом и с сыром, блины всех возможных родов, кривые пирожки и оладьи. Пока гости кушали, слуги разносили ковши и кубки с медами: вишневым, можжевелевым и черемховым. Другие подавали разные иностранные вина: ромaneю, рейнское и мушкатель. Через час меня отвели в одну из комнат.

Я присел напротив трона царя, и все стали дожидаться Ивана Васильевича. Вскоре дверь отворилась. Плавно и чинно царь направился к трону. Мы ему поклонились. В облачение царя входило платно, вышитое из золотых тканей. Сверху был одет широкий воротник. Бармы были застёгнуты сзади на пуговицы, расшитые жемчугом, камнями; поверх была надета золотая цепь, состоящая из двуглавых орлов. На голове была надета «шапка Мономаха». В руке Иван Грозный держал посох с тяжелым набалдашником, символизирующим крупость государственной власти на Руси. На ногах у него были надеты короткие сапоги из бархата с дорогим шитьём. Сидя напротив, я мог рассмотреть царя в деталях. Его голубые глаза с пронизательным взглядом. Челюсть выдавалась вперед. Борода у него

рыжая, с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая, вьющаяся, но волосы на голове, как большая часть русских, бреет бритвой. Иоанн оказался человеком деловым, в меру суровым. Вести с ним переговоры для меня было удовольствием. Когда я рассказывал, он меня внимательно слушал. Закончив, он начал говорить, я старался понять каждое его слова, я слушал не отвлекаясь. Он милостиво на меня смотрел. Улыбка его очаровывала даже тех, которые хорошо его знали и гнушались его злодеяниями. С такую счастливую наружностью Иоанн соединял необыкновенный дар слова. Случалось, что люди добродетельные, слушая царя, убеждались в необходимости ужасных его мер и верили, пока он говорил, справедливости его казней. Вскоре мы обо всё договорились. Государь встал, взглянул на меня, будто хотел что-то сказать. Наступила неловкая пауза. В этот момент один из опричников встал и напомнил царю о казни. Медленным шагом Иоанн вышел и направился в свою усыпальню. Все, кто находился в комнате, стали расходиться. Я лишь обернулся и проводил царя взглядом. Возвращаясь в комнату, я долго думал о нём, в нём было что-то магическое и таинственное. До отъезда было несколько часов, поэтому решил прогуляться. В слободе Иван Грозный имел богатейшую библиотеку. Среди царских книг был редкие рукописи: греческие пергаменты, латинские хронографы, древнееврейские манускрипты. Они хранились в трёх створчатых подвалах рядом с покоями царя. Стены, своды, столбы собора сплошь покрыты фресками и росписью. Я проходил мимо нескольких виселиц, стоявших одна подле другой. Тут же были срубы с плахами и готовыми топорами. Срубы и виселицы, окрашенные черною краской, были выстроены крепко и прочно, не на день, не на год, а на многие лета! Как ни бесстрашен бывает человек, он никогда не равнодушен к мысли, что его ожидает близкая смерть, не славная смерть среди стука мечей или грома орудий, но темная и постыдная, от рук презренного палача. Затем я увидел, как подъезжает карета. Я сел в неё и отправился в путь. Свой взгляд я не спускал со слободы.

Тайны и легенды Александровской слободы, красота окружающей город природы притягивают, как магнит, пробуждают желание вновь вернуться в эти прекрасные и удивительные места».